

Коридор за кулисами театра оказался куда запутаннее, чем представляла себе Кристабель.

Одноклассница привела её в длинный проход, в конце которого стояла дверь. У двери в беспорядочной очереди ждали несколько молодых женщин — все ярко одетые, тщательно накрашенные.

Кристабель удивилась. По воспоминаниям о школьных уборщицах она ожидала увидеть в соперницах скромных тётъ или пожилых женщин. Но оказалось, что даже девушки её возраста — а порой и младше — были готовы устроиться сюда.

«Если учесть, что в этом театре уборщицам платят меньше средней ставки, то получалось... на рынке труда в Альманвиле дела обстоят неважно?»

Впервые ища работу, Кристабель пыталась анализировать. У неё были и другие доказательства данной теории — например, увольнение её мужа.

«Значит, нужно ухватиться за шанс!» — она почувствовала лёгкое волнение, но вместе с тем — прилив решимости.

Одноклассница лишь с недоумением посмотрела на неё.

Кристабель, вместо того чтобы съёжиться под игольчатыми взглядами остальных девушек, наоборот, будто расцвела и стала держаться ещё увереннее.

«Что-то тут не так».

В памяти одноклассницы Кристабель Померан оставалась другой: сутулая, с длинной чёлкой, прячущей глаза, с посредственными оценками и кучей насмешливых прозвищ. Да, симпатичная и миниатюрная, из-за чего нравилась парням, но стоило какому-нибудь мальчику подойти ближе — и Кристабель убегала. Бегала она, к слову, быстро.

Говорили, что её семья строго запрещала ей любое общение с мужчинами, не состоявшими с ней в родстве. И вот эта «чрезмерно правильная» девочка, едва окончив школу, сбежала из дома с мужчиной и едва не лишилась диплома.

Кристабель не знала, но на школьных встречах её имя регулярно всплывало — в насмешках.

Смехотворная личность. Семейная домохозяйка, выбравшая лёгкую жизнь «на содержании», теперь оказалась вынуждена искать работу уборщицы. Явный знак, что у неё серьёзные проблемы с деньгами.

«Даже если я сейчас её оскорблю, она ничего не сможет сделать. Она ведь даже имени моего

не вспомнила — значит, и пожаловаться толком не сможет».

Встретив Кристабель, одноклассница рассчитывала увидеть поникшую голову и услышать робкое бормотание. Но та гордо заявила, что пришла на собеседование, — и это лишь усилило раздражение.

«Какая у неё может быть гордость? Она же пришла устраиваться уборщицей!»

Злость копилась, но выхода не находила.

К счастью, её быстро успокоило другое: кастинг вела Морехлада Пэррот, режиссёр новой постановки, женщина предельно заносчивая и придиричивая. Стоило Кристабель войти в зал и сказать хоть слово — Морехлада обрушилась бы на неё градом оскорблений.

Тогда всё встанет на свои места. Кристабель снова вернётся к прежней себе — жалкой и забитой.

Одноклассница облегчённо наблюдала, как одна за другой девушки выходили из кабинета со слезами на глазах. Когда же подошла очередь Кристабель, та, вместо того чтобы испугаться, наоборот — оживилась и даже улыбнулась однокласснице, прежде чем войти.

«Твою ж...» — мысленно выругалась та и прижалась ухом к двери.

Внутри тут же раздался знакомый пронзительный голос:

— Мисс, неужели ради нашей труппы вы не могли хотя бы заглянуть в парикмахерскую и сменить эту уродливую стрижку?

— ? — Кристабель, которую оскорбили, стоило ей войти, опешила.

«Что это за странное собеседование на должность уборщицы?»

Даже она знала: для обычной уборщицы не собирали жюри из шести человек за длинным столом.

В центре сидела худая птицелюдка с вытянутом лицом, разноцветными волосами и такими же яркими ушами. Хоть Кристабель и не была с ней знакома, она уже могла предположить её фамилию.

Женщина нахмурилась, но не успела сказать ничего — её перебил сидевший рядом волколюд.

— Давайте попробуем вот этот отрывок. Представьте: вы только что убили своего мужа.

Тут Кристabelle поняла: это не собеседование уборщицы, а актёрский кастинг.

«Но ведь это шанс! У актрисы зарплата точно выше десяти юаней».

Она вдруг уловила недобрый умысел одноклассницы, но зла не затаила. Наоборот, решила потом ещё поблагодарить её — искренне, от души.

Волколюд объяснил задачу.

И Кристabelle — та, кто действительно убивал — опустила взгляд в пол, словно там лежало тело. Уголки её губ дрогнули и изогнулись в пылающей улыбке.

Она вспомнила ту ночь, что изменила её жизнь.

Повелитель оказался прав: убить обычного человека — легко. Тогда, может, она и промахнулась с точным местом удара, но всё равно — Сандалнос Доган, что был выше её почти на полметра, обмяк, зажимая рану. Он сделал несколько шагов, пытаясь догнать отступавшую Кристabelle, но вскоре рухнул на землю.

В тот момент Сандалнос ещё не умер, а Кристabelle стояла рядом с ним, отражаясь в лужах крови, и смотрела, как он хрипел, стонал; его дыхание становилось всё слабее и в конце концов стихло.

Когда он замер, Кристabelle перевернула труп; убедилась, что его сердце тоже не билось, и отбросила ритуальный нож; после чего вошла в круг, чтобы подобрать залитую кровью малышку Нефрит.

«Ой. То, что я делала после того, как выбросила нож, можно упустить».

Кристabelle пропустила этот эпизод. Как будто бы до сих пор стояла та ночь, она направилась к зеркалу с исчезнувшим образом повелителя, привела лицо в порядок (часть про поднятие осколка зеркала тоже могла быть упущена) и радостно выбежала из дома.

Она специально упала у дверей соседей, закричав:

— Помогите! Мой муж — культист!

Несколько из присутствовавших на кастинге членов жюри при этих словах раскрыли рты.

И только когда Кристабель поднялась и улыбнулась им, их рты обратно закрылись.

— Последняя фраза — это вы импровизировали на месте, или вы где-то это подсмотрели? — с интересом спросил волколуд.

— Я сама придумала, сэр, — спокойно ответила Кристабель.

— Редко встретишь: вы проявили своего рода зловещее обаяние...

— Слишком топорно! — прервала его длиннолицая птицелюдка. Она уставилась на Кристабель и сказала: — Вы что, высрали и смыли в унитаз всё то, чему вас учили в школе?! Эти две явные запинки — что это? Вы не подготовились перед выходом на сцену? Вы дважды останавливались, чтобы подумать? И ваш акцент! Как будто вы в нос говорите! Разве с таким акцентом на сцену можно? Вы...

Она обрушила на Кристабель целый поток бранных замечаний, а затем спросила:

— Как вас зовут?

— Кристабель Померан, — спокойно ответила пёсолюдка.

После этого она внезапно почувствовала, что некто начал смотреть на неё иначе.

Кристабель не была особенно чувствительна к взглядам и не могла толком описать, что именно изменилось. Она просто ощутила: взгляд стал другим. И этот новый взгляд казался ей очень знакомым.

Он напоминал того, кто в тот самый вечер ворвался в госпиталь Святого Сердца и попытался её убить — мышелюда, последователя Девы Серебряной Луны.

Кристабель проследила за источником взгляда и поняла, что он исходил от одного из членов жюри — от сидевшего справа среднего возраста оленелюда: у него на голове росли раздвоенные рога, один из которых был сломан у основания. В остальном он выглядел вполне обычным, но «излучал учтивую манеру», и был единственным среди шести членов жюри в костюме.

Как только Кристабель посмотрела на него, навязчивое чувство, что на неё смотрят, прошло; мужчина заметил её взгляд и мягко улыбнулся ей.

Если бы Кристабель оставалась как раньше неуверенной, она, возможно, решила бы, что это всё галлюцинация. Но теперь пёсолюдка знала: ей не показалось.

Когда она по требованию зарегистрировала адрес и контакты, ей всё ещё казалось, что взгляд того оленелюда следит за ней.

Она сделала вид, что ничего не заметила, а затем тихо спросила у девушки-секретаря, которая вносила данные:

— Скажите, на какую роль ищут актёров для этого спектакля?

— Важную роль второстепенного плана, — ответила секретарша, записывая номер Весполаро Хаски, — злая женщина-культистка.

— О! — улыбка Кристабель стала ещё искреннее. — Прекрасно.

— Так ты, значит, прошла отбор? — сквозь головную боль спросил Линь.

— Да, — ответила Кристабель. — После этого я пошла поблагодарить одну одноклассницу и снова навестила место приёма уборщиц. Потом я оставалась в театре «Любовная муза». В четыре часа дня ко мне подошла женщина и сказала, что меня взяли на роль этой злой героини. С завтрашнего дня мне предстоит приходить каждый день на репетиции.

— Ты всё ещё гостишь у инквизитора Весполаро? — спросил он.

— Да, повелитель, — ответила Кристабель. — Как вы и переживаете, зарплату выдадут на следующей неделе, у меня пока нет денег на аренду.

«Нет, я переживаю не из-за этого... — подумал Линь. — Я переживаю из-за того, что ты молишься мне через зеркало в доме инквизитора...»

Кристабель продолжила отчёт:

— Я выяснила личность того оленелюда — он инвестор театра, Радоцвет Сикадир, владелец универмага на двенадцатом уровне. Когда будет время, я хочу прийти в его универмаг и проверить эту информацию. Повелитель, я всё обдумала: я сама — ничтожная, неизвестная; Радоцвет Сикадир не из моего круга общения. Он знает моё имя либо от Инквизиции — это вряд ли; либо он последователь Девы Серебряной Луны и узнал меня как ту, что убила его

соратника.

Кристабель сложила руки на груди в благоговейном жесте.

— Повелитель, нужно ли мне убить его? — спросила она.

<http://bllate.org/book/12612/1119977>